

Скамейка Синани

Жанр произведения: Другое

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Вощинин

Ссылка на публикацию

Пройдя по окутанному туманом парку с лесными криками горлицы и глухим оханьем местной совы, Гранин вышел на безлюдную набережную.

Наполненный живительной сосной воздух приятно и свободно наполнял легкие. Пропитанный прохладой моря, он слегка щекотала ноздри.

Белесое небо раннего утра с едва заметным ореолом солнца тихо пробуждали чувства и желания нового дня.

Он спустился к тихой ласкающий взор воде. Влажный песок поскрипывал под ногами.

«Скоро он превратиться в обжигающую пыль и вместе с жарой до конца дня завладеет этим красочным островом покоя» - с некоторым сожалением подумал одинокий мужчина.

Немолодой, но еще довольно стройный отдыхающий, каждое утро прогуливался здесь в Гурзуфе в объятьях ласкового морского бриза и наслаждался целительной крымской природой.

С момента прибытия в санаторий, он сразу почувствовал, как не хватало ему этой благоуханной и необычной красоты. Казалось даже, что и Крым ждал его и также радовался долгожданной встрече.

Гранин бывал здесь перед окончанием школы с отцом, приезжал сюда «дикарем» после службы в армии, потом студентом в преддверии будущей наполненной надеждами жизни. Невольно предаваясь воспоминаниям, он вдруг остро ощутил ту неоправданную суету жизни, которая заставила его на долгое время забыть и прервать общение с этими прибрежными красотами.

Глядя на уходящий вдаль синий горизонт, он чувствовал, как будто вернулся в родные места юности, в ощущение молодости и теперь ясно понимал, что его душа оставалась здесь всегда и теперь, будто заново ожила, наполняясь новыми надеждами.

Словно изголодавшийся по родным местам путник он удивлялся постоянно меняющимся краскам безбрежного моря. Они двигались к берегу из темной синей пучины от горизонта. Отдаляясь от него, водная гладь светилась яркой глазурью с зеленоватыми оттенками и постепенно переходила в широкую прибрежную нефритовую полосу с ласкающими глаз барашками волн, а уже совсем близко становилась прозрачной, оголяя крупные подводные камни и нежно омывая пляжный песок.

Гранин заворожено смотрел на выходящий с Аюдага круто отесанный горный осколок, отбросивший в воду две непохожие друг на друга скалы. На фоне громадной фигуры зверя-исполина они казались забавными и разными по характеру братьями-медвежатами.

Вдалеке чуть ниже горизонта был заметен круизный теплоход, казавшийся издалека крохотным и беззащитным на фоне морской стихии.

«Как он похож на нашу скоротечную жизнь - эту вечно двигающуюся куда-то песчинку мироздания в необъятной вселенной…» - невольно промелькнуло в его голове.

Мужчина прошелся по пляжу, по крутым ступенькам вновь поднялся на набережную и медленно пошел вдоль моря. В преддверии жары оно уже начинало немного волноваться.

Гранин повернул обратно. Прибрежные платаны, строгие кипарисы зашевелились от дуновения слабого ветра, а цветущий миндаль ответно вторил нежными запахами весны. Подойдя к воротам санатория, он, не спеша, пошел вверх вдоль шумящей речки между реликтовыми соснами, можжевельником и лавровым кустарником гурзуфского парка.

Накануне в местном киоске Гранину попалась на глаза красочно оформленная книжка-альбом «Антон Чехов. Письма из Ялты». Он с удовольствием полистал издание и с интересом узнал и об опубликованном недавно дневнике Синани – владельце старинной книжной лавки в Ялте, где он успешно продавал книги русских писателей. Большинство из них, в том числе Чехов, Куприн, Горький, Бунин, именитые художники того времени оставили там незаурядному книголюбу свои записи и краткие впечатления. В книге упоминалось о необычной широкой скамейке около магазина, где часто сидели и беседовали мастера слова. Было любопытно узнать, что Синани искренне дружил со многими из своих посетителей, и Антон Павлович за три дня до своей смерти написал ему теплое благодарственное письмо из далекой Германии.

«После завтрака поеду в Ялту» - решил он, - «Надо найти этот книжный магазин и скамейку».

Ялта встретила Гранина мягким дружелюбием и спокойным уютом гостеприимства. Сперва он заглянул на обширный и разноликий базар, прошелся по его рядам, где размеренная жизнь, будто из прошлого, ненавязчиво напоминала о постоянных заботах насущного.

Окутанные южной зеленью дороги вели вниз к морю.

Он спросил у прохожих о местном книжном магазине.

-Кажется, в самом начале набережной, - ответили ему не очень уверенно.

Выйдя на широкую набережную, Гранин сразу ощутил ее величие и неповторимую красоту. Своим простором и разнообразием архитектуры она скорее походила на городской проспект, где перспектива моря была его важной составной частью. Именно здесь остро чувствовалось, что Ялта - особенный крымский город со свойственным только ему простором, внутренней теплотой и необычной свободой. Сидящие на набережной рыбаки и множество шхун на фоне силуэтов кораблей гавани дополняли это живое умиротворение.

Широкие платаны, кипарисы, ухоженная прибрежная растительность, строгие и красивые здания, выходящие на набережную, наяву подтверждали упоминания о городе, как о жемчужине Крыма.

Бросалась в глаза насыщенная здешняя архитектура, которая на протяжении нескольких веков впитала с себя курортные традиции изящного восточного стиля и западной культуры.

Гранин нашел в начале набережной крупный книжный магазин, но ни продавцы, ни покупатели не смогли подсказать ему об известной в начале века книжной лавке Синани. О знаменитой скамейке перед входом тем более никто не знал.

Идя по широкой набережной, Гранин продолжал спрашивать об этом у продавцов сувениров, журналов и местных прохожих. Но люди пожимали плечами и лишь с любопытством смотрели на пожилого мужчину.

Одна преклонного возраста продавщица газет безуспешно пыталась вспомнить и посоветовала искать недалеко от Морской улицы. Там Гранину сказали о библиотеке имени Чехова, находящуюся в 5-ти домах от набережной.

«Ну, уж в библиотеке наверняка знают об этом хорошо», - с надеждой подумал он.

Однако и там миловидная девушка-библиотекарь ничего не знала о книжной лавке Синани. Заметив расстройство собравшегося было уходить мужчины, она участливо произнесла:

-Наш архивариус, - указывая наверх, обрадованно вспомнила она, - Наверняка, знает это.

Поднявшись на второй этаж, Гранин зашел в просторный кабинет, в самом углу у окна заметил небольшую фигуру девушки, похожую на подростка.

-Синани…сейчас погодите, достала она уже знакомую Гранину книгу о Чехове «Письма из Ялты».

-Прекрасно! - невольно произнес он.

-Ничего прекрасного в этом нет. Вы меня очень отвлекаете, - строго посмотрела молодая женщина.

-Неужели вам это неинтересно?

-У меня масса работы, а вы меня отвлекаете.

Мужчина недоуменно молчал.

-Подождите, - вдруг встрепенулась она, как бы противореча своим словам - Посмотрим по карте конца 19 века.

Она нашла нужную книгу.

-Это бывшая гостиница «Париж», - двигала она по странице маленьким пальчиком, - От Морской следующая улица к центру. Вот тут, в 10-15 метрах от зданий набережной, - уверенно показала она.

-Спасибо, - промолвил Гранин.

-Ужасно много работы, - опять недовольно повторила молодая архивариус.

«Как-то странно звучат эти слова» - подумал он.

Выйдя из библиотеки, Гранин опять спустился к набережной, попав во власть фешенебельных магазинов, торгующих золотом и украшениями. Он не стал спешить и решил осмотреть все вокруг. Налево от Морской располагалась улица Краснова. Она начиналась оставшимся, видимо, от прежних времен красивым необычным зданием. В нем царствовала фирма Persona Grata, призывая туристов в экзотические страны, по краям здания стояли привлекательные фигуры каменных идолов, будто с острова Пасхи. Дальше улица красиво уходила вверх и касалась невысокого каменного парапета городского парка.

Справа от Морской, куда направляла архивариус, была более узкая улица, на ней тоже располагались здания старой постройки. Прямо перед ней красиво пестрели громкими названиями магазины: Крым-Золото, Shaled, Domino Eight, Monet. Выше просматривалась осовремененная старинная открытая летняя терраса. Справа в начале небольшой улочки располагался банк. Слева возвышалась временная фанерная конструкция, на стене которой значилось объявление - реконструкция магазина одежды Daniell.

«Видимо, существует необходимость очередного бутика…» - подумал Гранин.

Угол обозначенного на старой карте дома находился немного глубже черты сегодняшних строений набережной. Здесь уже не было никаких следов книжной лавки.

Пройдя несколько шагов, Гранин увидел на указанном месте красивый бар с каменными столбиками ворот при входе.

Он прошел мимо них, смело открыл дверь и вошел. Приятная обстановка, тишина и никого кругом. Неожиданно появилась молодая девушка в строгом костюме.

Гранин обрадовался и начал задавать вопросы об искомом старом магазине.

Девушка молча слушала, довольно тупо глядя на клиента. Она ничего не знала о предмете расспроса. Глаза ее ждали заказа.

Гранин понял это довольно быстро:

-А у вас можно заказать бокал хорошего вина?

-Конечно, проходите к столику, - радостно и удовлетворенно смотрела она, - Какого желаете?

-Хереса… массандровского, - нерешительно произнес клиент, даже не спросив меню.

- Открыть бутылочку? - оживилась девушка.

-Пожалуй, грамм двести хватит.

-Мы не продаем в розлив, - он уловил небольшой холодок в глазах официантки.

-Я доплачу, - отреагировал посетитель.

Гранин сидел у широкого окна с видом на море. Через минуту красивый бокал, заполненный чуть выше половины, стоял перед ним. Глоток хереса был сказочно приятен, и после долгих поисков он сразу поднял настроение. Мужчина посмотрел вновь на набережную и смерил глазами расстояние, вспомнив старую карту.

«А ведь именно здесь и находилась эта заветная скамейка» - подумал он.

Гранин с удовольствием сделал еще два небольших глотка, прищурился, отвел глаза в сторону. Будто наяву перед ним вдруг предстали Толстой и Чехов, сидящие около торгового дома книги, фасад которого напоминал русскую избушку.

Внимательный взгляд скромного человека в пенсне с едва заметной улыбкой доверительно внимал даровитому мастеру:

-Жизнь удивительна и многообразна, дорогой Антон Павлович, и чем больше живу на этом свете, тем более не перестаю удивляться. С каждым годом все

больше желания глубже познать ее безграничность. Скажу больше, я уверен, что и смерти-то нет, как таковой…

Толстой неожиданно вздыхает:

- К сожалению, мысли людей больше заняты собственным материальным интересом, а радость окружения природы и самой жизни ускользает, будто вода в песок. Человек теряется от этой внутренней слабости.

-С этим трудно не согласиться, и именно здесь так влечет к себе необыкновенный морской простор и живительный воздух. Я даже грешным делом купил в Гурзуфе небольшой клочок земли со скальным выходом к морю. Смотришь на него утром или рыбачишь один недалеко от берега и радуешься, как оно прекрасно и живо…

-Завидую вам. Прибрежные скалы, солнце, ласковый ветер - настоящая радость жизни…

-Но по мне эта минутная радость всегда приземлено напоминает, как хрупка, скоротечна и зависима от природы человеческая жизнь.

-Спасибо вам, Антон Павлович…. Я порой не могу отделаться от пафоса природы, некого… ее наваждения.

-Лев Николаевич, а я этот ваш пафос бесконечно люблю, когда в гурзуфском парке представляю молодого Пушкина, пишущего свои изумительные русские сказки или обдумывающего строки поэмы-провидения «Руслан и Людмила» … А во мне, как дьявол, сидит приземленный простой человек…и в нем своя неповторимая музыка.

-Завидую вам. Видно я из прошлого поколения. Что-то уже не в силах ощутить. А так хочется все охватить ясно и глубоко. Это невозможно без обновления. Поневоле проникаешься недоверием, некой педагогикой к молодым. Как она вредна и даже стала ненавистна мне… Вот уже много лет переписываю один рассказ о южном характере, о Кавказе. Он могуч и сразу не очень понятен нам, живущим в умиротворении. Но поразительно, что совсем не случайно русский человек в этих местах находит свою душевную отраду. По крупицам нащупываю эту скрытую истину, так хочется четче выразить суть… И не уверен, что скоро буду печатать.

-Мне кажется нельзя думать долго об одном сюжете. Я стараюсь завершать рассказ или пьесу как можно быстрее, иначе своими глубинными сомнениями можно привнести искажение во все, что живет вокруг нас…

-Пожалуй, это верно. Согласен, что, несмотря на неоднократно обдуманные собственные суждения, надо писать быстро, полагаясь, может быть, даже больше на ежеминутные впечатления… «Севастопольские рассказы» я писал именно так…Возможно, в этом и вся соль нашего ремесла.

Из книжной лавки неожиданно выходит хозяин - Синани, за ним следует молодой и стройный Бунин.

-Лев Николаевич, - обращается владелец магазина к метру, - По традиции я пристаю к своим любимцам с убедительной просьбой написать что-нибудь в мою тетрадь.

Знаменитый писатель немного теряется, отстраняется от ее красивого дерматинового переплета и разводит руками:

-Что же написать? Не знаю…Антон Павлович, может, вы?

-Я тоже не могу так сразу, хотя безгранично люблю и этот дом, и хозяина и эту невероятно удобную лавочку для общения…Иван Алексеевич, уж лучше вы, как самый молодой… наша надежда.

Синани неожиданно парирует:

-Он уже написал мне полгода назад.

Бунин берет красиво оформленную тетрадь, находит свои строки, датированные февралем, и передает Чехову.

-Замечательно! Я тоже хотел написать именно так, - восклицает он.

Толстой берет из его рук импровизированный альбом и тоже с неподдельным удовольствием читает.

«В Ялте зимнею порой

Только море и Синани.

Бродят тучки над горой,

Остальное все в тумане».

-Как просто и верно, молодой человек. Да, вы настоящий продолжатель нашего дела…

Заметив, что немного смутил Толстого, Синани прячет тетрадь вишневого цвета за спину.

Он знает, что знаменитый писатель, поправляя здоровье, гостит у княгини Паниной, и еще не раз заглянет в книжную лавку.

На лице Льва Николаевича заметно скользит внутреннее напряжение и недовольство собой:

-Пойду я, господа, через Верхнюю Ореанду по своей любимой тропе в Гаспру…Софья Владимировна просила не опаздывать к обеду.

Он прощается со всеми, крепко и как-то индивидуально глядя в глаза, пожимает руку каждому.

-Всего доброго, Иван Алексеевич, - неподдельно радуясь молодому человеку, говорит он напоследок.

Провожая взглядами удаляющегося Толстого, Синани кладет тетрадь на колени, садиться на лавочку и приглашает последовать примеру Бунина.

-Я уж постою, сидеть положено здесь могучим мэтрам и хозяину.

-Не скромничайте, скоро вы переплюнете всех этих мэтров, - смеется Чехов и берет с колен Синани тетрадь.

Синани тоже улыбается, радуясь доброжелательной обстановке.

Вдруг Чехов серьезно говорит:

-А знаете, сколько лет еще будут читать меня после смерти? …Лет семь.

На лице Бунина возникает яркое недоумение. Синани тоже смотрит вопросительно на любимого литератора.

-Ну, семь с половиной, - тихо говорит Чехов, листая тетрадь, - Как хорошо написал Немирович…Вы, - смотрит он с благодарностью на Синани, - Своим активнейшим участием очень помогли здесь художественному театру.

- Я этому безгранично рад…Общение с артистическим миром для меня особая радость, а откровения Владимира Ивановича, как ладан для души… И тетрадь эта для меня, как партитура к опере…

-Вот вы и выдали себя, как незаурядного ценителя искусства, дорогой, Исаак Абрамович. А что вы по-настоящему думаете о нас писателях? Полагаю, что не только как о тех, кто вас немного кормит от продаж произведений.

-Да что вы, Антон Павлович, я об этом никогда не думаю. От табака в лавке я получаю прибыли значительно выше.

-Ну а все-таки?

-Мне кажется, что в каждом из вас музыкант и это происходит как-то независимо от вас самих. Вот Толстой – словно Бах, его орган бессмертен, вы Антон Павлович скрипач или виолончелист…Горький – пламенный трубач…

-А Иван Алексеевич?

-Скорее он владеет фортепьяно. Даже внешне он очень похож на Рахманинова.

-Гм… Скрипач, …право интересно…Об остальных очень верно подмечено… Надо обязательно написать об этом рассказ, - улыбается Чехов.

-Антон Павлович, а почему вы сказали, что читать вас будут так недолго? – взглянул на него неожиданно Бунин, словно, не слыша хвалебных слов.

-…Потому, дорогой Иван Алексеевич, что я не употребляю таких слов, как «серебристая даль», «аккорд» или «на бой на бой в борьбу со тьмой!»… У меня мало желаемого острого сюжета с тривиальным счастливым завершением. В моих рассказах скорее больше малоприметного повседневного, нет широты философской мысли Толстого, а мои пьесы, думаю – немалая заслуга Станиславского…Он познакомил меня с загадками театра, мы много беседуем о сцене. Порой, мне кажется, он и направляет меня, многое внутренне подсказывает…

-Такого острого современного взгляда, как у вас, я не вижу ни у кого другого…

-Ну, уж прямо ни у кого…Я восхищен Куприным, его яркостью стиля и языка…А мой немного будничный… похож на некую журналистскую лирику, которая не всегда привлекает читателя и не очень свойственна для восприятия русским человеком…Может, еще либералам по душе…Да и не вижу я большой заслуги в своих сочинениях… Вот, к примеру, свою повесть «Драма на охоте» считаю пародией на детективную бульварщину. Лев Николаевич написал бы совсем не так и даже мыслей у него таких пошлых нет…Одно слово – мелодрама…

-По мне, прекрасно все звучит и очень по-русски, Карнеев - просто душка, а его шурин Пшехоцкий – неподдельное олицетворение обывательского Запада - возражает Синани.

-Нет, слишком прямолинейная схема…немного не то, что я думаю…Кстати, Лев Николаевич только что говорил и о своих сомнениях…

-Это писательское самоедство, Антон Павлович, вы все преувеличиваете.

-Не то, Иван Алексеевич. Вот был я на Сахалине несколько месяцев…Какая силища русская, затаенная глубина характера нашего, а ведь написать мог лишь журналистские путевые заметки…нет сил отделаться от этого всеобъемлющего ощущения неповторимости России…Удастся ли когда-нибудь написать роман или повесть, не знаю… Вот и здесь в Крыму я сердцем чувствую нашу духовную мощь, необъятную силу, надежду. Как же тут хорошо! А в Москве и Петербурге во всех этих патриотических призывах сквозит нарочитая фальшь…

-У нас к вину есть замечательные сладости, - словно из глухого подземелья слышит Гранин резкий голос подошедшей девушки-официанта, - Если хотите, я принесу…

Она немного встревожилась необычной позой клиента – то ли ему стало плохо, то ли его начал сковывать крепкий сон.

-Да нет, спасибо… и так сладко, - быстро возвращается он из забытья.

Девушка принесла счет, и Гранину показалось, что он заплатил непомерную сумму, но настроение его не стало от этого хуже.

Он вновь оказался на набережной и сразу заметил скульптурную композицию «Дамы с собачкой». Ей было предназначено свободное место недалеко от старинных строений перед комплексом Villa Sofia. В центре набережной красочная композиция казалась очень облюбованной горожанами, туристами и приезжими. Все обязательно желали сделать «лайки» около нее.

Женщина в широкополой шляпе, затеняющей лицо, наставительно объясняла сыну-подростку:

-Эта скульптура называется «Дама с собачкой» и Чехов», который увидел ее здесь, в Ялте и написал знаменитый рассказ.

«Странное название памятника» - задумался Гранин.

Ему сразу бросилось в глаза определенная несхожесть бронзовой дамы с описанным в рассказе образом. Она уверена в себе и смело смотрит вдаль, подчеркнуто стройна, изящна и для женщины того времени довольно большого роста.

«По ней не скажешь, что она трудно принимает ухаживания» - невольно улыбнулся он, - «Настоящая «блондинка-барби» - мечта сегодняшних девочек, которые в 10-12 лет ходят как медвежата с рюкзаками, высоко поднимая колени

и припадая назад, будто на попу».

Он сразу вспоминает слова Чехова:

«Дама невысокого роста, блондинка в берете. Рядом всегда белый шпиц. Скована не смелостью, угловатостью в ее смехе при разговоре с незнакомыми. Совсем недавно была институткой…».

Лицо Гранина проясняется, и он с удовлетворением представляет авторский образ еще юной женщины с неискушенным самолюбием нежным сердцем и совсем нерастраченною лишь привязанностью к собачке любовью.

-Совсем мало написано об окружающей южной природе, которая, несомненно, играла роль в развитии отношений, - почти шепчет он про себя, - Но емко и предельно романтично: – «Вода была сиреневого цвета, мягкого и теплого. От луны шла золотая полоса».

-Какая красивая собачка, - слышит Гранин радостный возглас стоящего рядом ребенка.

Гранин сразу обращает внимание, что мордочка бронзовой собачки слишком агрессивна, она явно избалована и похожа на наглого современного домашнего зверька.

«У Чехова совсем не так» - оценивает он, - «Шпиц предан хозяйке…».

Взгляд Гранина переходит на скульптурное изображение стройного и немного даже щеголеватого мужчину.

«Ну, это вовсе не Чехов. Он немного фатоват…Скорее это герой рассказа 40-летний Гуров» - рассуждает он, глядя на скульптуру знающего себе цену мужчины, облокотившегося на парапет, не сдержанно, а почти уверенно смотрящего на женщину, предвкушая победу.

Невольно всплывают в памяти строки автора:

«Дмитрий Дмитриевич изменял жене уже давно, знал, что нравится женщинам».

-Он знал даже холодных красавиц, у которых «кружева на белье казались чешуей» - невольно произносит он, - Действительно он смотрел на Анну Сергеевну в первые дни знакомства, как на очередную жертву, а не на предмет неожиданно проснувшегося чувства.

Вспоминая слова Гурова «что-то в ней жалкое», он ясно представил, как совсем не сразу в нем вспыхнула запоздалая любовь, появилось к этой женщине что-то

новое и до этого неиспытанное.

-Странный старик. Сколько можно стоять рядом со скульптурой и разговаривать с самим собой, - слышит Гранин неприятный женский голос за спиной, - Можно попросит вас немного отойти в сторону? Я хочу сфотографировать ребенка.

Гранин покорно отходит от привлекающей всеобщее внимание композиции.

«Почему людям так безразличны образы?» - невольно мелькает в его голове.

Он повернулся лицом к морю и продолжил свой путь по красивой просторной набережной с широкими бульварными скамейками для отдыха, но проснувшиеся мысли не отпускают его:

«Толстой написал роман «Анна Каренина», а Чехов этот рассказ - не более десятка страниц текста. А как они одинаково глубоки и тонко соприкасаются. У Чехова больше едва приметных деталей. «Ее тонкая слабая шея» можно сказать только после интимного прикосновения. Или «от нее веяло чистотой порядочности и наивности». Казалось бы, что можно написать нового о зарождающейся любви, но тема неисчерпаема, потому как истинная суть скрыта в каждой индивидуальности. Наглядны и писательские муки в общих и одновременно разных ощущениях долгожданного обожания противоположного пола.

В одноименном фильме Баталов внешне очень близок к Чехову, его образ точен и неповторим – он радужно рассказывает другу о своем неожиданном чувстве, в трепетном ожидании в театре и гостинице. Случайно видя себя в зеркале - «голова стала седа», он чувствует глубокую ответственность. Во внешне спокойной Савиной скрыта мощь женского сердца, которой глубоко претит лакейство мужа. Она не смирилась с жизнью покорной провинциалки, будто ждала Гурова и разом взрывается еще не остывшим порывом и потом уже навсегда охвачена нежными чувствами к любимому.

Диалоги кажутся скупыми, но насыщены внутреннем трепетом и душевным теплом.

У Толстого ярко выраженная драма, а у Чехова значительно сложнее: полюбившие друг друга пытаются найти выход из окутавших их жизненных «пут», но самое главное только начинается и в действительности обе стороны как бы смирились со своим положением.

-«Что-нибудь придумаем», - проговаривает немолодой мужчина почти конечную фразу Чехова, продолжая бормотать про себя, - И, возможно, они будут

доживать свою жизнь отдельно друг от друга, изредка предаваясь встречам, а потом воспоминаниям, которые со временем назовут ошибкой…Любовь невозможно втиснуть в постоянную форму…Человек каждодневно меняется, а постоянство несовместимо с новыми чувствами… А как просто в природе – любви определено лишь одно время в году…Потом страсти утихают, и лишь новый весенний взрыв сможет встряхнуть все это по-новому…

Медленным шагом идя по набережной, Гранин изредка смотрит на тихое ласковое море и вспоминает слова одного из писем Чехова из Ялты: «Синее нежное, как волосы невинной девушки».

Теперь поневоле глаз Гранина останавливается на других городских скульптурах.

Немного консервативный и строго в классическом стиле на постаменте памятник одному из первых архитекторов города - Его Императорского Величества академику Краснову Н.П., показался очень достойным.

Неожиданно перед одним из морских причалов около кафе «Апельсин» в форме каравеллы Гранин натыкается на небольшую скульптуру Михаила Пуговкина.

Он сразу узнает самобытного одаренного и всеми любимого знаменитого артиста, который несколько лет жил здесь в Ялте.

«Видимо, Михаилу Ивановичу очень нравилось сидеть на скамейке и смотреть на море именно здесь, иначе трудно понять творческую задумку скульптора» - подумал он.

Дойдя почти до конца набережной, немолодой человек решил подняться вверх по улице Гоголя.

Он видит памятник с пытливым взглядом, подходит ближе и узнает в этом облике Юлиана Семенов.

«Будто мысленно пытается определить место нахождение «Янтарной комнаты или «золота партии» - застревает в голове Гранина.

Он искренне уважал этого советского писателя политического детектива, но с неприятным чувством два дня назад посетил его дом-музей среди неприметных восточных улиц, самостоятельно организованный «на пожертвования» дочерью, ныне живущей в Париже. Это посещение входило в туристический маршрут к городу боевой славы Севастополю со святынями Херсонеса, красотами церкви Фороса и прочими достопримечательностями. Немного резало ухо, когда

экскурсовод совершенно надуманно подчеркивал модное сейчас противостояние талантливого писателя-журналиста прошлой власти. Услышав это Гранин невольно подумал:

«Как это противно и пошло. Юлиан Семенов или Лендрес был не раз обласкан советской властью, предоставившей ему немало наград и руководящих постов в издательствах и вдруг - преследования. Конечно, в каждой биографии можно найти противоречия, но не здесь. Скорее не раз озвученная в СМИ версия о связи его с КГБ более правдоподобна, так как при определенной закрытости страны ему была предоставлена широчайшая возможность разъезжать и работать по всему миру, иметь немало именитых зарубежных друзей. Лендрес с энтузиазмом встретил перестройку, но был против развала СССР и, в конечном счете, как и многие, остался недовольным тем, что произошло с его страной. Дочь живет не в своей стране, а работает за рубежом журналистом. Возможно, пишет о России, что сегодня модно и востребовано на Западе. Уповая на созданный отцом обличительный рупор «Совершенно секретно», она настойчиво намекает, что его якобы «устранили». Но явно это не складывается - любивший внимание незаурядный журналист использовал свою последнюю трибуну с громким названием, чтобы остаться на плаву в объятьях славы и пиара. И, что греха таить, в силу своего общительного характера известный писатель любил предаваться радостям жизни и среди прочего не гнушался злоупотреблением горячительных напитков. Посему вполне закономерно получил инсульт на 61-ом году жизни. Если бы дочь продолжала «борьбу» против власти, которая всегда несправедлива к слабым и менее защищенным, было бы еще понятно … Но, применяя этот надуманный абсурд, явно сквозит ее желание получить известность любым путем».

Гранину не хотелось развивать эту мысль, она уже казалась старой, как и он сам. Он поднял голову. Впереди поднималась строгая и прямая вертикаль уличной магистрали.

«И все-таки непонятно, почему здесь в начале улицы Гоголя не поставлен памятник самому всемирно известному писателю» - переключился он.

Слева возвышались в классическом стиле красивые старинные здания, которые занимали административные учреждения, в том числе и банк РНКБ. Поскольку строения были тщательно отреставрированы они привлекли внимание Гранина. Он поинтересовался о принадлежности одного из них, но молодой охранник молча строго посмотрел на него и немолодой человек сразу недвусмысленно понял, что расспросы здесь неуместны.

Дальше улица была полна жилыми постройками с необычными восточными террасами. Пройдя еще немного, он посетил небольшой книжный магазин, где ему случайно нашли последний экземпляр издания «Альбома Синани».

Спуститься опять к морю, Гранин решил по параллельной улице Пушкина. Эта без снующих рядом машин и густо заполненная прохожими улочка была более демократичная, с изобилием забегаловок, газетных киосков, пирожковых, выставочных бутиков.

Особенный шарм придавала этому месту шумно и невозмутимо бегущая между улиц двух гигантов пера закованная в бетон речка Водопадка.

Под воздействием привлекательности этого места Гранин в местной лавке купил очень вкусный расстегай с рыбой.

На пересечение с автомобильным движением Гранин увидел небольшой памятник – сидящему на скамейке и опирающемуся на камеру Александру Алексеевичу Ханжонкову. Поза и одежда скульптуры показалась Гранину необычно романтической, какой-то даже Есенинской. Ему представлялся образ этого человека – предпринимателя, кинопромышленника, продюсера, сценариста и основателя русского кинематографа - немного иным, более импозантным и самоуверенным.

«Может, автор пытался выразить свое видение подобно Синани, представляющего Антон Павловича, играющего на скрипке или виолончели…» - мелькнуло у него в голове, - «А ведь Чехов с виолончелью у моря – была бы неплохой скульптурной находкой!».

Раздумывая, он чуть не наткнулся на проезжающий по дороге автомобиль, так уж привык к этой безмятежно пешей Пушкинской.

Он вновь огляделся и произнес вслух:

-Она действительно замечательна и значительно привлекательней московского Арбата с разношерстной глазеющей по сторонам публикой, сосредоточенными застывшими лицами и угрюмыми продавцами сувениров.

Увидев работающий банк, Гранин решил снять с карты Сбербанка немного денег. Поскольку в городе было немало приезжих, ему пришлось постоять в очереди.

При получении денег он обратил внимание на большие комиссионные и на вопрос служащему банка услышал недвусмысленный ответ:

-У нас нет отделений Сбербанка.

Гранин молча вышел и с усмешкой подумал:

«Видимо, побаиваются санкций и столичная патриотическая фальшь, как и в прошлые века, нам не в диковинку…».

Он решил найти знаменитый ялтинский драматический театр.

То ли случайно, то ли в городе было много приезжих, но никто не мог сразу подсказать где он находится. Гранин его нашел между двумя немноголюдными улицами с домом и памятником Леси Украинки довольно далеко от набережной.

Снаружи театр оказался небольшой, но очень привлекательный с восьми колонным входом в старом классическом стиле. Он заглянул в кассы. Репертуар апреля изобиловал другими коллективами и необычными показами «Кино в театре». Гранин с улыбкой отметил привлекающий киносеанс «Мой ласковый и нежный зверь» по повести Чехова «Драма на охоте».

Желающих купить билеты совсем немного.

У кассирши он попытался расспросить побольше о городе, в частности о лавке Синани.

Она надменно объяснила, что она посажена сюда вовсе не для этого и с возмущением прикрыла перед ним окошечко.

Гранин спокойно воспринял ее возмущенный взгляд и вышел на тихую улицу.

Почти у моря он осмотрел вернисаж картин местных художников. Прогуливаясь довольно долго между полотнами, он обратил внимание на одну-две. Про себя отметил определенный коммерческий дух вернисажа, все продавцы наперебой принуждали к приобретению. Было немного неприятно, что художники вовсе не чувствовали реакции на их порой однообразные пейзажи.

Несмотря на эти минутные впечатления, Гранин оставался в хорошем расположении духа. Он решил побродить побольше по нижней части города и вернуться к в санаторий только к ужину.

Немолодой человек зашел в кафе. Оно было свободное, демократичное и с обилием народа, похожее на многие курортные общественные заведения. Меню не «кусачее», хотя и намного дороже, чем в старые добрые времена.

«Видно ностальгия берет свое или я стал настоящим «старым пердуном» - неожиданно пронзило его.

Гранин спокойно сидел и вкушал местную кухню. Поневоле он немного поглядывал на окружающую публику.

Недалеко от своего столика он вдруг увидел лицо женщины, которое показалось ему очень знакомым. Он пригляделся:

«Не может быть, хотя и очень напоминает» - подумал он.

Женщина оживленно разговаривала с сидящим рядом мужчиной. Гранин сразу отметил его волевой взгляд и одновременно мужское очарование своей спутницей, готовый все прощать, внимательно слушать и радостно принимать. Он еще раз посмотрел на них, и женщина заметила это.

Гранин отвел взгляд.

Он закончил с трапезой, вышел из кафе и опять двинулся к набережной.

«Очень приятное место…и какое-то родное и светлое» - разлилось в его душе.

Набережная наполнилась беспечно отдыхающим людом и ему было вовсе не одиноко среди них.

Вдруг он услышал что-то вроде обращения к себе.

-Гранин, да не беги так быстро…

Он обернулся и уже не сомневался, что перед ним была…Нина.

-Неужели это ты? - вырвалось у него.

-Не притворяйся, я видела, как ты меня рассматривал.

-Да. Мне показалось, но…

-Что, но?

-Сейчас я вижу, что это - ты,… и в общем, не очень изменилась…

-Не ври. Ты узнал и хотел подойти…Или не хотел?

Оба ответа показались Гранину неуместными.

- Ты была не одна. Я видел, как он смотрел на тебя, - решил он выйти из положения.

-Завидуешь?

-Просто приятно смотреть, когда кто-то искренне любит…

-Все не то, что-то говоришь.

-Я стараюсь быть таким, каким есть.

-Ну, согласись, немного позавидовал?

-Возможно… Я не имею такого волевого характера.

-Да он моряк, офицер.

-Я рад, что ты его любишь.

-Ну, … я другое дело.

-Почему другое.

-Это мой муж, я уже долгое время живу здесь…Хочешь познакомлю?

-Нет, - твердо отрезал Гранит, - Зачем это мне…и тебе, наконец? У него, наверняка, возникнут сомнения.

-Не возникнут.

-Ты слишком уверена и не знаешь мужчин.

-Своего-то мужа я знаю хорошо.

-Ну-ну… Рад за тебя.

-И как ты меня ему представишь?

-Друг детства, вместе работали в Москве…

Они неожиданно замолкли. Разговор со стороны казался похожим, будто они встречались месяц назад, но прошли годы и это молчание немного остудило неожиданную встречу.

-А ты как? Женат?

-У меня почти взрослая дочь…Все нормально.

-Кто же твоя жена?

-Ну, какая разница, Нина.

-Не та ли блондинка…

Гранин молчал, ему не хотелось говорит о жене.

-Наверняка она, - уверенно улыбнулась она.

-Ты всегда была чересчур самоуверенна, - вырвалось у него.

Они шли вместе по набережной и смотрелись со стороны весьма респектабельной парой. Небольшой весенний бриз охлаждал мысли.

-А куда ты отправила своего мужа?

-Он ушел по служебным делам, а я сказала, что пройдусь по магазинам…Я живу здесь недалеко. Хочешь, зайдем ко мне?

-Ну, это совсем… круто.

-Я не в том смысле…Полагаю, что твоя заторможенность осталась при тебе навечно.

-Я готов пройтись с тобой по магазинам.

-Снизошел до магазинов, а раньше ты их ненавидел.

-Какой-то у нас нескладный разговор получается. Не виделись лет 15, а сказать кроме колкостей нечего.

-Гранин. А ты будто и не рад встрече?

-Напротив… рад. Мне даже стало легче.

-Можно подумать, что тебе было когда-нибудь тяжело.

-Наверно, я виноват перед тобой…

-А ты еще сомневаешься?

Гранин опять замолчал.

-Ты, как всегда шатаешься один…

-Какая разница, Нина…Главное, что ты нашла, что хотела.

Женщина молчала, не находя нужных слов. Казалось, что она сама еще не решилась, то ли рассказать о своей жизни, то ли ругать его за этот направленный в ее сторону холодноватый взгляд.

Она хотела войти в магазин, но передумала. Они прошлись вместе по набережной.

-Ты знаешь, здесь я познакомилась с мужем и здесь как-то спокойно, легко…

-Я понимаю, - отозвался Гранин, - И даже завидую тебе. Город этот, действительно, прекрасен, - Давай посидим на этой лавочке.

Она села и доброжелательно посмотрела на него.

-Может зайдем все-таки домой ко мне, перекусим что-нибудь.

-Мы недавно из кафе, Нина. Откровенно, мне не хочется смотреть ваш дом.

-Даже так…Что-то значит осталось…

-Не в этом дело. Не хочу даже повод давать твоему мужу.

-А он уверен во мне. И любит он по-настоящему, не как ты…

-И что ты ему скажешь, если вдруг он появиться.

-Не появиться. Я знаю. И даже в любом случае что-нибудь придумаем, - улыбнулась она.

Гранина резанули ухо последние слова.

«Как быстро мир заметает яркие следы» - подумал он.

-Что тебя привело в Ялту?

-Отдыхаю по путевке…Хожу вспоминаю, радуюсь городу, его набережной…рассматриваю памятники…Вот, Даму с собачкой.

-Ты всегда был бабником, Гранин…Кругом дамы с собачками или без собачек…

Он засмеялся.

-Просто ты всегда была ревнивой собственницей.

-Ты всегда был такой… - она резко запнулась.

«Хотела сказать любимое выражение своей мамы – «малахольный» - промелькнуло у него.

-Какой? – вырвалось у него.

-Какой-то нелогичный, оторванный от жизни.

-Это казалось только тебе.

-Не только.

-Ну, еще твоей маме. Кстати, как она?

-Лет пять, как схоронила.

Гранин нахмурился, он вспомнил о чем-то. Но говорить об этом сейчас не хотелось. Было как-то нехорошо и неправильно. Она не поняла бы всего того, что было с ним все эти прошедшие годы.

Нина молчала. Они оба вспомнили о человеке, который когда-то был рядом. Он первый прервал молчание.

-Видишь ли, логика не всегда сопутствует жизни.

-Это почему?

-Ну, вот футбол тоже нелогичные движения.

-Ну, это мне непонятно, не мое…

-Согласен. Это я для примера…Эти самые нелогичные движения англичане взяли за основу игры, которая завоевала весь мир, - улыбнулся он, - …Заблуждения и абсурд сегодня совместимы и даже модны.

-Опять ты полез в свои дебри рассуждений.

-А тебе не приходило в голову, что люди сто лет назад также, как и мы смотрели и восхищались этой набережной, этим морем?

-Мне некогда об этом думать… Да и кто, например?

-Ну, Чехов.

-Почему-то все приезжие здесь помешаны на нем.

-Ну, уж прямо помешаны…

-Он приехал сюда и женился на актрисе Ольге Книппер, бывшей любовнице Немировича-Данченко.

-Вот об этом не надо, Нина…Все не так просто…Никто не понял до конца Чехова…

-А ты понял?

-Я-себя-то не понимаю порой…Тут другая музыка жизни…Скорее ее просто нет…Время нас ломает окончательно…

-Нет музыки…Ты спятил, Гранин…Музыка ему, видите ли, нужна… Ты понимаешь только себя…

-А тебе хотелось меня видеть таким, как хочется тебе.

-А что не просто?

-А представь, Чехов мог бы ко всему прочему быть и неплохим музыкантом.

-Что за чушь ты несешь?

-У каждого своя музыка в голове…

-Мне кажется, только у тебя.

-Да, нет…у тебя тоже, но другая…Музыка – это часть вселенной и ее надо чувствовать.

-Ну конечно, ты вообще – бог. А остальные вокруг – просто людишки.

«Что-то неестественное в этом», - тяжело подумал он.

-Ведь ты совсем другая, Нина…Почему ты так нервничаешь и неестественна…Ведь только случай дал нам возможность поговорить. Неужели не о чем больше сказать?

-Извини, ты прав…Что-то я не в себе.

-Вот именно… Мне кажется, Чехов предвидел свою близкую смерть…радовался каждому дню жизни и перед самой смертью далеко заграницей ярко вспомнил этот морской пейзаж. И мы его сейчас видим с тобой.

-Гранин, ты всегда мог красиво говорить и также изворачиваться.

-Это тебе не нравилось?

-Как ни странно, нравилось.

-Ну, вот, - улыбнулся он, -Успокойся.

-Я спокойна, тихо ответила она.

Гранина вдруг опять заговорил:

-Человек с годами меняется…и может превратиться в полное дерьмо. По крайней мере это так кажется со стороны…Я не знаю кто это делает, но порой что-то сверху необъяснимое заставляет это делать.

-Да ты всегда старался быть правильным.

-Это только кажется, что правильным людям живется хорошо. На самом деле они каждый день ломают себя…

-Вот…Стоит ли это делать?

-Кругом заблуждения…Надо из них как-то выходить…Снег и дождь ожидаемы, приятны, но порой наводят грусть и даже тоску. Это идет от внутреннего осознания себя в этом мире.

-Сейчас ты опять будешь развивать мысль о бессмертии души.

-Да нет. Вот я посмотрел несколько скульптурных изображений людей. В большинстве случаев они какие-то искусственные, не очень неинтересные и даже куцые, без творческого участия и даже где-то порой неуместные…А это то, что остается другим…

-Это все непонятно и не нужно для нас.

-Возможно, ты права, - задумчиво ответил он.

Гранин не хотел говорит Нине о том, что его жена год назад совершенно неожиданно ушла из жизни и он остался один.

Не видя долгое время рядом близкую женщину, Гранину от бывшей возлюбленной повеяло привычным теплом женского дыхания.

Ему тяжело далась эта утрата, и он как бы на минуту проникся к своей старой избраннице.

Гранин смотрел внимательно на нее:

«Как я любил эти открытые для меня голубые глаза, широкий чувственный рот и в противоположность ему небольшой строгий носик. Как целовал его в порыве страсти, как радовался ее улыбке и едва заметным ямочкам у сладких губ…Хотя они уже не такие яркие, но еще очень привлекательные…Куда все это пропало во мне…Сначала немного, а потом все больше и больше стало раздражать ее напряженное молчание и отрешенный взгляд…И не было ревности, нет ее и сейчас при виде любящего ее человека. А может не было любви…Да нет, конечно была, был и невыразимый трепет, и жажда видеть каждую минуту…Он

уже не помнил всех этих мелочей, но, когда она сообщила ему, что сделала аборт, что-то сразу оборвалось. Ему было не по себе, что она приняла это решение даже не сказав ни слова…А где-то в глубине души втайне Гранин хотел ребенка и может быть он переменил его жизнь и все было по-другому…. »

Что заставило Нину сделать это осталось для него небольшой тайной…Сначала болело немного сердце, но потом все как-то само рассосалось. Он встретил свою жену и жизнь вновь обрела интерес и значимость.

Но что-то и отталкивало. Он не понимал, но это что-то пересиливало и вносило остроту. Ему было ясно, что со временем точка невозврата была пройдена.

Он неожиданно встал, готовый идти вперед.

-Чего ты Гранин так засуетился, куда-то спешишь?

-Да мне надо на автобус в Гурзуф.

-Мы могли бы тебя подбросить на машине.

-Мы?.. .Это вовсе не к чему.

-Я провожу тебя до станции.

Они поднялись к шоссе, сели на маршрутку, которые все везли в верхнюю часть города. Народу было много. Сидя в «газели», они смотрели в разные стороны.

Когда они вышли из машины до нужного автобуса необходимо было вернуться чуть назад.

-Я уже жалею, что подошла к тебе, - вдруг сказала она.

-Не нервничай,… хорошо, что помнишь…

Гранин молча смотрел на нее.

-Так что? Здравствуй и прощай? – резко произнесла Нина.

Мужчина опустил глаза и молча пожал ее напряженную руку.

-Вот телефон, - протянула она листок, - Позвони, если захочешь.

Гранин твердо пошел к автобусу, а Нина резко отвернулась и нарочито, не оглядываясь почти побежала от него.

Он неожиданно повернулся и посмотрел вслед:

-За сто лет ничего не придумывается, - вслух произнес уже немолодой человек.

-Нет, не позвоню, - прошептал Гранин.

Он медленно побрел на остановку и опоздал на прямой автобус до Гурзуфа. Он вернулся на автобусную станцию и решил поехать дальним маршрутом.

-Этот автобус останавливается в Гурзуфе, - спросил он у миловидной женщины в легком ситцевом платье.

-Конечно, - весело отозвалась она.

Незнакомка к удивлению Гранина тоже села на этот автобус. Мест в начале салона оставалось только два, и он галантно пропустил ее к окну.

Перед отправлением шофер начал обходить пассажиров, собирая плату за проезд. Когда Гранин протянул ему деньги, он спросил:

-Вы вместе?

-Нет, нет - также непринужденно протянула она свои деньги.

Автобус тронулся и Гранин молча смотрел на красивые берега Массандры справа и радовался убегающему вдаль голубому морю. Он видел все это через силуэт очаровательной совсем еще молодой женщины, и его охватывала приятная радость жизни. Он и сам не понимал, почему вдруг она так глубоко проникала в него. Ему было радостно находиться рядом с этой притягательной в расцвете сил женщине, которая, как ему показалось, изредка смело смотрела на него и не отводила взгляда, когда он краем глаза любовался ей.

Лицо ее было совсем не тонкое, даже с немного широкими чертами, но удивительно одухотворенное, открытое, готовое делиться обо всем на свете и какой-то свободной радостной независимой мысли. Было в нем что-то неповторимо южное и безумно привлекательное.

Неожиданно она сама заговорила:

-Вы видно, отдыхающий?

-Да, радуюсь этим красотам весны, - с той же необыкновенной радостью откликнулся он.

-У нас здесь замечательно не только весной. Хотя период сакуры по-своему прекрасен.

-Сакуры? - удивился Гранин, - Она ведь в Японии.

-В Японии тоже…

-Тоже?

-Сакура – это прибрежный первоцвет, в стране Восходящего солнца это местная слива…У нас миндаль, алыча, персик ….

Интересно. Я не знал об этом.

-Теперь знайте, - весело улыбнулась спутница.

-Вы в этом уверены? – не отпускали его сомнения.

-Я работаю экскурсоводом и рассказываю это всем своим туристам.

-А…Так вы вообще здесь знаете обо всем.

-Конечно, - как-то совсем по-детски непосредственно произнесла она, - У нас здесь очень редкие бактерицидные растения, особые наклонным способом посаженные виноградники и самое сахаристой во всем мире вино.

-Интересно.

-И, конечно, уникальные православные храмы…

-Да, я с некоторыми имел счастье познакомиться, - отозвался Гранин.

-А вы сами местная? – поинтересовался он.

-Да, я выросла в Крыму и мне здесь все нравиться.

-Вы живете в Ялте?

-Нет, живу в Феодосии, но моя родина - Коктебель.

«Как я не заметил, что в лице ее было что-то Волошинское» - мелькнуло у него в голове.

-Вы не представляете какие живые краски там постоянно у нас в Коктебеле, - как-то удивительно необычно размашисто произнесла она, - Тюльпановые поля любых расцветок. Желтые они особенно прекрасны, в горах - похожи на необычные лилии. И даже сиреневые ирисы здесь разбавлены с ярко желтыми. Необыкновенное море с фигурными скалами и необыкновенные горы с постоянно нависающими облаками…

Гранин заметил, как она говорила это с какой-то душевной радостью в глазах.

-Вы не представляете золотые открытые для воды ворота открывающие утреннее солнце!

Гранин заворожено слушал.

-Приезжайте в Коктебель…Он умеет дарить южную красоту…

Черты ее лица менялись, словно морская пучина.

-А что вот возьму и приеду, - неожиданно вырвалось у него.

Она ласково улыбнулась

-Покажу вам поместье Волошина…и уникальную гору профилем напоминающего его.

Потом они сидели молча, радуясь пониманию, и продолжали смотреть на окрестности.

- Станция «Гурзуф» - резко произнес шофер, открывая дверцу автобуса.

Гранин будто очнулся от наваждения:

-Всего доброго, - произнес он и быстро двинулся к выходу.

Сидящая рядом спутница с той же неповторимой улыбкой махнула ему рукой из окна.

Гранин с необычной легкостью, словно молодой, бежал вниз в поселок и не заметил, как показались знакомые ворота санатория.

«Завтра поеду к Волошину» - легко и с надеждой, что там он сможет встретить обаятельную попутчицу, подумал он нежно.

-А я ведь даже не узнал, как ее зовут - неожиданно вслух почти вскрикнул он.

Но тут же решение четко отдалось в голове: «Спрошу о ней в местной туристической фирме».